

Вячеслав Егорович
Звягинцев

**Инакомыслие
в Красной
армии**

Книга первая

Вячеслав Звягинцев

**Инакомыслие в Красной
армии. Книга первая**

«Издательские решения»

Звягинцев В. Е.

Инакомыслие в Красной армии. Книга первая / В. Е. Звягинцев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503244-7

Любые проявления инакомыслия в армии и на флоте считались крайне опасным явлением, подрывающим устои советского государства. Поэтому репрессии в отношении «диссидентов» в погонах носили, во-первых, превентивный и, во-вторых, постоянный характер. В книге приведены следственно-судебные дела 1918—1938 годов. Часть из них автор впервые обнаружил в архивах. Фигурантов этих дел чаще всего репрессировали по статье 58—10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

ISBN 978-5-00-503244-7

© Звягинцев В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Инакомыслие в Красной армии	6
Вступление	6
1. Дело наморси А. М. Щастного. 1918 г.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Инакомыслие в Красной армии

Книга первая

Вячеслав Егорович Звягинцев

© Вячеслав Егорович Звягинцев, 2019

ISBN 978-5-0050-3244-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-3245-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Инакомыслие в Красной армии

Книга 1. 1918—1938 гг.

*Памяти моего деда Афанасия, расстрелянного в 1937 году
за антисоветские разговоры.*

Вступление

На сегодняшний день тема предвоенных репрессий в вооруженных силах страны интересна немногим. Она постепенно отошла на второй план, как исчерпавшая себя. Вместе с тем, есть один аспект, приобретающий с каждым годом всю большую актуальность. Однако применительно к армейской среде он практически не исследован.

Эта книга, призванная восполнить пробел, об инакомыслии в Красной Армии и на Красном Флоте. Точнее – о его подавлении органами госбезопасности и военной юстицией.

Большевики считали инакомыслие крайне опасным явлением, подрывающим устойчивость советского государства. Хотя называли тогда инакомыслящих иначе – «контрреволюционными элементами», «антисоветскими агитаторами», «врагами народа» и т. п.

После Октября 1917 года была установлена государственная монополия на истину. Повсюду насаждалась «единственно верная» коммунистическая идеология. Как в стране, так и в армии, начал действовать аппарат тотального подавления взглядов и идей, отличных от тех, которые были официально провозглашены правящей партией. Наряду с многочисленными политическими институтами к решению этой глобальной проблемы были активно подключены суды и другие репрессивные органы.

В рецензии на книгу «Политическая юстиция в СССР» мой учитель, известный криминолог В. В. Лунеев писал, что «основными инициаторами и организаторами массовых репрессий в 20-50-е, а в определенной мере и последующие годы, были не сами правоохранительные органы, суды и другие внесудебные образования (они были лишь инструментами), а замешанная на насилии коммунистическая идеология»¹.

Авторы указанного труда, академик В. Н. Кудрявцев и А. И. Трусов, делили «политических противников» советской власти на четыре группы: лица, прямо противостоящие коммунистическому режиму; иные идейные противники; инакомыслящие и потенциальные противники системы².

Между тем, в последнее время нередко высказывается мнение (в 2018 году его, например, публично озвучил магаданский губернатор), что в России «не уничтожали за инакомыслие». Это не так. И предлагаемая книга позволяет опровергнуть подобные утверждения историческими фактами, акцентируя внимание читателя на конкретных судебных и внесудебных делах, рассмотренных в первые советские десятилетия. Что касается причин, по которым такие мнения до сих пор высказываются, то среди прочего надо назвать недостаточную разработанность историко-правовых вопросов о преследованиях людей за слова и мысли. Особенно – в Вооружённых Силах, в силу специфики их деятельности. Ранее это не представлялось возможным сделать в силу закрытости архивных источников, а также их разбросанности по разным ведомственным архивам. Сегодня в тренде – процесс затушевывания темных сторон нашей истории. Мы успели расчистить только верхние слои завалов исторического бурелома, а уже настойчиво

¹ Лунеев В. В. Вестник РАН. №10 2001. с. 949.

² Кудрявцев В. Н. Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М. Наука. 2000. с. 14.

звучат призывы прекратить очернение героических страниц сталинской эпохи и акцентировать внимание людей на наших победах и подвигах.

Жизнь, однако, учит, что нельзя игнорировать собственный исторический опыт. В том числе – трагический. Уроки нашей истории необходимо помнить и преломлять на день сегодняшний. Актуальными остаются слова историка В. Ключевского о том, что история «учит даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает за невежество и пренебрежение».

Предлагаемое исследование – еще одна попытка понять механизм развертывания в стране необоснованных репрессий и объяснить причины, по которым они достигли столь чудовищных масштабов.

Упомянутый криминолог В. В. Лунеев отмечал, что «судимость за антисоветскую агитацию и пропаганду как политическая репрессия чистой воды является важным индикатором многих составляющих (особенно идеологической, социально-психологической, оперативной и репрессивной) тотального контроля за мыслями и поведением людей»³.

Анализ архивных следственно-судебных дел в отношении лиц, репрессированных по статье 58-й УК РСФСР, прежде всего, по пункту 10 указанной статьи (антисоветская агитация и пропаганда), дает основания утверждать, что после Октября 1917 года эти репрессии носили, во-первых, превентивный и, во-вторых, постоянный характер.

В отдельные годы происходили пики, связанные с теми или иными общественно-политическими событиями: (кронштадтский мятеж, обострение внутрипартийной борьбы, раскулачивание и т.д.), но репрессивный конвейер никогда не останавливался. Процесс закручивания идеологических гаек шел постоянно, по нарастающей, основываясь на производимых чекистами замерах «политической температуры» в армии и на флоте. Поэтому многие дела, описанные в книге, заводились на основании доносов и донесений о различных проявлениях нелояльности к советской власти со стороны представителей социально-чуждых (или социально-вредных) классов. К таковым относились, прежде всего, бывшие офицеры, которых практически поголовно обвиняли в контрреволюционной деятельности и участии в контрреволюционных организациях. Или еще короче – в контрреволюции. Под этим понимались: политическая неблагонадежность, подозрение в сочувствии идеям или организациям, подрывающим существующий государственный строй, «контрреволюционные настроения» и зафиксированные секретными сотрудниками (сексотами) антисоветские разговоры.

Исследование изложено в двух книгах. Книга 1 охватывает два десятилетия (1918—1938 гг.), в ней 17 глав. Каждая глава – исторический срез, включающий описание одного или нескольких, характерных для того времени дел. Часть из них автор впервые обнаружил и изучил в ведомственных архивах⁴. Фигуранты этих дел не всегда обвинялись по статье 58—10 УК РСФСР. Но, по сути, все приводимые в книге дела связаны с различными проявлениями инакомыслия: в публикациях, лекциях, письмах, анекдотах, частушках, выступлениях на каких-то совещаниях, собраниях и т. п. Как выяснилось, чаще всего «инакомыслие» секретные сотрудники выявляли на «вечеринках», в застольных разговорах и на кухонных посиделках.

В книге сделаны и исследованы исторические срезы применительно к различным социальным группам и слоям. В меньшей степени затронут высший командный состав. Во-первых, потому что в 30-е годы практически никто из высшего руководства РККА, подвергнутого репрессиям, не обвинялся по пункту 10 статьи 58 УК РСФСР. А во-вторых, об инакомыслии М. Н. Тухачевского и других участников так называемого «военно-фашистского заговора» написано уже достаточно много. Мы же перевернем несколько малоизвестных страниц военной истории либо страниц – до сего времени не прочитанных.

³ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М. Wolters Kluwer. 2005.

⁴ Подлинники следственно-судебных дел, надзорные производства военной коллегии и Главной военной прокуратуры, копии приговоров и постановлений трибуналов, внесудебных органов и др.

Книгу завершают три приложения:

1. Исследуемое в книге явление не является исключительным порождением советской власти. В той или иной степени оно имело место в других государствах, и в дореволюционной России, о чем можно прочесть в Приложении 1. «Исторический экскурс».

Большевики, хорошо знавшие приемы работы охранки, что-то позаимствовали из прошлых времен, какие-то институты создали сами. При этом довели их не только до совершенства, но и до абсурда. Насаждая единомыслие, они превратили большую страну в громадный исправительно-трудовой лагерь.

Армия, как известно, строится на основе единоначалия, которое, в свою очередь, предполагает единомыслие в вопросах, имеющих отношение к военной службе. Но предмет нашего исследования совершенно иной.

2. В обществе сложилось два мнения о политических репрессиях 30-х годов, ни одно из которых не соответствует действительности. Одни считают, что репрессии имели под собой реальную основу в виде подготовки заговоров и мятежей с целью насильственного свержения советской власти. Другие утверждают, что это были произвол и беззаконие. Обе стороны правы лишь частично.

Абсолютное большинство контрреволюционных дел было сфабриковано органами госбезопасности. Но это не дает оснований говорить, что героев этой книги репрессировали незаконно, поскольку с помощью законов в послеоктябрьский период, по сути, узаконили беззаконие. Подробнее об этом можно прочесть в Приложении 2. «Как узаконили беззаконие».

3. И, наконец, в Приложении 3 «Статистика» приведены статистические данные, свидетельствующие о масштабах «преступности и судимости по делам о контрреволюционных преступлениях» (прежде всего по статье 58—10 Уголовного кодекса РСФСР) в 1918—1938 годах. В силу известных причин, в первые годы советской власти судебная статистика была противоречива и отрывиста. И все же, она дает основания утверждать, что из числа осуждённых за различные «контрреволюционные» преступления в эти трагические периоды нашей истории больше всего людей, в том числе военных, было подвергнуто репрессиям именно за проведение антисоветской пропаганды и агитации.

Вячеслав Звягинцев. 2019 г.

1. Дело наморси А. М. Щастного. 1918 г.

20—21 июня 1918 года перед Революционным трибуналом ВЦИК предстал офицер российского императорского флота. Имя его – Алексей Михайлович Щастный. Звание – капитан первого ранга. Хотя матросы по праву называли его первым «народным адмиралом». При советской власти ему в течение нескольких месяцев пришлось исполнять обязанности начальника морских сил Балтийского моря. Так именовалась тогда должность командующего флотом. Организовав и лично возглавив Ледовый поход⁵, Алексей Михайлович успел за короткое время сделать невозможное, даже с точки зрения морских специалистов – в тяжелейших условиях спасти от захвата кайзеровскими войсками и уничтожения ядро Балтийского флота: 236 кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 миноносцев, 12 подводных лодок.

Необходимость разработки и осуществления этой беспрецедентной для отечественного флота стратегической операции возникла вследствие заключения большевиками Брест-Литовского мирного договора. Немцы не без оснований рассчитывали, что Балтийский флот окажется в западне. Ведь по условиям договора Россия должна была перевести флот в свои порты, а этого, по мнению германского генштаба, не позволяла сделать ледовая обстановка. Или остаться в Гельсингфорсе и полностью разоружиться. Не учел генштаб лишь одного – героизма и мастерства российских моряков. Щастный принял решение: любым путем вырваться из ледяного плена. И это ему удалось сделать. Основное ядро флота практически в полной сохранности прибыло в Кронштадт.

В честь героев похода, и, прежде всего, в честь его руководителя в Инженерном училище устроили чествование. Главный виновник торжества был скромным человеком и сидел в зале. Причем, не в первых рядах. Когда же его заметили, то все, как один, встали и устроили Щастному овацию. Весь зал продолжал стоять, пока председатель собрания благодарил Алексея Михайловича от имени России за спасение флота.

Однако вскоре после этого произошло невероятное и необъяснимое с точки зрения здравого смысла. Поход завершился в конце апреля 1918 года, а через месяц – 27 мая (дата ареста Щастного) – нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий назвал его преступником исключительной государственной важности.

А. М. Щастный был помещен в Таганскую тюрьму. Но вскоре его перевели оттуда в специально оборудованную камеру в Николаевском дворце Кремля. Там же, в Кремле, состоялся и суд. Специально учрежденный для рассмотрения дел особой важности трибунал приговорил А. М. Щастного к расстрелу.

Почему? Что изменилось через несколько дней после успешного завершения Ледового похода? Почему человек, совершивший подвиг и спасший флот, был приговорен к расстрелу?

Среди сослуживцев Щастного в те дни так и говорили – его арестовали за подвиг. Капитан 2 ранга Г. К. Граф в своих мемуарах «На Новике» писал: «Обвинение, предъявленное А. М. Щастному, было сформулировано так: «Щастный, совершая героический подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против Советской власти»⁶.

Такая странная формулировка обвинения – не вполне точная, но, по сути, верная – поражала и тогда, и сегодня. Напрашивается вывод, что Троцкому этот подвиг был не нужен. Возможно, для него и его соратников более предпочтительным вариантом являлось уничтожение

⁵ Организованная и проведенная А. М. Щастным операция по перебазированию кораблей из Ревеля (Таллинна) и Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт в феврале-мае 1918 г.

⁶ Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб. Гангут. 1997.

кораблей (на чем настаивали англичане, и против чего возражал Щастный)? Или оставление их в Гельсингфорсе, что стало бы подарком для немцев?

Какое-то приемлемое объяснение столь парадоксальным действиям большевистских лидеров вряд ли можно найти без учета каких-то исключительных и необычных обстоятельств, которые бы помогли нам разобраться в этом деле.

Среди таких обстоятельств выделим всего два.

Первое. Ревтрибунал при ВЦИК, состоявший только из членов ВЦИК, был учрежден спустя несколько часов после ареста А. М. Щастного А 16 июня того же года, за три дня до суда, постановлением наркома юстиции П. Стучки был отменен ранее установленный запрет на применение судом смертной казни. Отмена запрета позволила вынести А. М. Щастному первый смертный приговор после Октября 1917 года.

Второе. Нарком Л. Д. Троцкий выполнил по этому делу несколько взаимоисключающих процессуальных ролей – как прокурор санкционировал и лично произвел арест Щастного; в качестве следователя допросил его и ряд других лиц; выступил в суде единственным свидетелем обвинения, и, по некоторым данным, побывал даже в совещательной комнате.

Имеются и другие факты, которые свидетельствуют, что неослабевающий интерес к трагической судьбе командующего флотом совсем не случаен.

На сегодняшний день существуют несколько версий о причинах суда над А. М. Щастным. Все их можно свести к двум основным.

1. Версия обвинения. Саботирование А. М. Щастным предписаний советской власти и проведение антисоветской агитации, направленной на ее подрыв. Из обвинительного заключения следует, что своими выступлениями А. М. Щастный «подготавливал условия для захвата власти». По этой причине, собственно, дело А. М. Щастного и стало предметом исследования в нашей книге об армейском инакомыслии.

2. Версия конспиративная. Это была расправа за прикосновение А. М. Щастного к тайне большевиков, за его попытку разобраться в политических хитросплетениях вокруг судьбы Балтийского флота. В то же время, расстрел командующего можно рассматривать как акт устрашения по отношению к вышедшему из повиновения Балтийскому флоту. А возможно – и как акт оправдания перед спонсорами революции.

Материалы архивно-следственного дела дают основание полагать, что А. М. Щастный, вероятно, подозревал большевиков в тайных связях с представителями иностранных государств. В ходе обыска у него изъяли записку «Мотивы ухода», которую Алексей Михайлович написал 25 мая для себя и не собирался обнародовать. В ней есть следующий тезис:

«Против кого должна быть направлена сила флота?

а) против финляндцев – на воде они не противники;

б) против немцев – они поддерживают Советскую власть, поэтому мы уже в руках немцев»⁷.

Известно, что стратегические цели Германии и большевиков на исход первой мировой войны действительно совпадали. Но по целому ряду конкретных, практических вопросов эти интересы коренным образом отличались. Немцы рассчитывали использовать противоположную сторону в качестве подрывного элемента, силы, способной подорвать боевой дух армии и вывести Россию из войны. Большевики же рассматривали предлагаемую им материальную поддержку, как средство, необходимое для достижения своих целей, среди которых приоритетное место отводилось организации революции и в самой Германии.

По сути, Алексей Михайлович оказался в 1918 году в силу занимаемой должности в эпицентре сложнейшей политической игры, касающейся судьбы Балтийского флота. Игру эту вели все заинтересованные стороны – англичане, немцы, большевики.

⁷ Здесь и далее цит. по: материалы архивно-следственного дела №3614. Л.д. 18.

В такой непростой ситуации командующий флотом установил для себя, о чем свидетельствуют все его практические шаги, четкий водораздел: делать только то, что нравственно с точки зрения российского офицера, то, что в интересах Родины. И наоборот, любые действия и приказы власти, являющиеся в его понимании предательскими, Щастный слепо не выполнял, старался корректировать, оттягивать по времени под разными предлогами и т. п. Самый наглядный пример тому – его позиция, связанная с уничтожением кораблей флота за деньги.

Вместе с тем, А. М. Щастный пытался все это делать, говоря современным языком, в правовом поле. Он не был заговорщиком, руководствовался впитанными с детства понятиями о чести и совести. Но эти понятия для большевиков не имели существенного значения, когда речь шла о захвате и удержании власти. Они вели какую-то свою игру. Поэтому Щастному давались путаные, противоречивые указания с целью добиться от него перебазирования кораблей в Кронштадт лишь тогда, когда сделать это, исходя из ледовой обстановки, было уже невозможно. Или взорвать – но без боя и крайней необходимости. Да так, чтобы корабли оставались на плаву.

А. М. Щастный понимал, что в этом случае они могут стать легкой добычей немцев. Поэтому был вынужден вести свою игру. С единственной целью – спасти флот. Причем, для него, как и для нас сегодня, первостепенное значение имело не установление фактов финансовой поддержки большевиков немцами, о чем в те дни говорило полгорода, а выяснение путей и способов компенсации выплаченных большевикам денег. Щастный, вероятно, полагал, что тайные договоренности по этим вопросам были достигнуты в Брест-Литовске, и расплатиться с немцами решили флотом. Свидетельством тому являются воспоминания Г. Н. Четверухина, ссылавшегося на адмирала С. В. Зарубаева, с которым А. М. Щастный встречался накануне вызова в Москву⁸, а также подшитые к делу копии шести документов, изъятых у него в Москве после ареста.

Можно долго спорить и рассуждать о подлинности или подложности этих документов, адресованных начальником «Разведочного отделения» немецкого Генштаба «Господину председателю Совета Народных Комиссаров». Но для суда имело значение то, что Щастный собственноручно написал на обороте одного из документов: «Был взят с собою, как материал, компрометирующий ходившие по Петрограду слухи, для того, чтобы показать Коллегии и Высвоенсовету»⁹.

Каких-либо доказательств использования А. М. Щастным этих документов в контрреволюционных целях ни следствием, ни судом добыто не было. Тем более, что они не изымались у Щастного при аресте, как неоднократно утверждал Троцкий. Командующий флотом сам достал из портфеля все привезенные документы, когда нарком «снял с него показания». Как видно из стенограммы допроса, Щастный с целью аргументировать свою позицию «вынимает записки и смотрит по ним, Троцкий берет записки и читает»¹⁰.

Тех, кого интересуют более подробные обоснования второй версии, автор отсылает к своим книгам «Трибунал для флагманов» и «Дело командующего флотом А. М. Щастного»¹¹. А теперь рассмотрим первую версию, по поводу которой, прежде всего, надо сказать следующее: в материалах дела имеются данные, позволяющие подвергнуть ее сомнению.

Наиболее тяжкое обвинение, включавшее 17 пунктов, состояло в том, что А. М. Щастный, якобы, стремился к захвату власти. Причем, как утверждал в суде Л. Д. Троцкий, «Щастный повел такую политику, чтобы завладеть властью не только на флоте, но и во всей России».

⁸ Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний. Морской сборник. 1991. №11.

⁹ Материалы дела А. М. Щастного. Л.д. 19.

¹⁰ Там же. Л. д. 83.

¹¹ Звягинцев В. Е. Трибунал для флагманов. ТЕРРА: Книжный клуб. 2007. Дело командующего флотом А. М. Щастного. Белый город. 2013.

Это утверждение не соответствует действительности. Помимо объективных, героических действий командующего по спасению флота для Советской республики, отсутствие у него намерений захватить власть объективно подтверждается тем, что Щастный от этой самой власти упорно отказывался. Только нравственный долг, да настойчивые просьбы моряков, не позволили ему уйти из флота, в условиях, когда тот находился в тяжелейшем положении. В деле А. М. Щастного подшито его официальное прошение об отставке, которую Л. Д. Троцкий отклонил.

Ряд обвинительных пунктов сводился к проведению Щастным антисоветской агитации. Причем, Троцкий заявил в суде, что это «самый важный и главный» обвинительный пункт¹². Нарком усмотрел антисоветскую агитацию в том, что все основные вопросы по управлению флотом, в том числе о подготовке его к уничтожению, командующий выносил на публичное рассмотрение Совета комиссаров флота, а также сделал в Совете III съезда моряков Балтфлота «антиправительственный доклад», рисуя состояние флота в крайне мрачных красках.

Парадокс заключается в том, Л. Д. Троцкий, всегда ратовавший за «насаждение комиссаров в качестве блюстителей высших интересов революции и социализма»¹³, в этом случае обвинил А. М. Щастного не в том, что он игнорировал мнение комиссаров, а в том, что он советовался с ними.

Троцкий считал, что Щастный в своих выступлениях «рисовал положение флота в крайне странном виде, называя флот не иначе как «железный лом». Доклад этот показался Троцкому паническим и он «усмотрел в этом определенную политику», направленную «к дискредитации центральной власти»¹⁴. Однако аналогичная констатация содержалась в законах этой самой власти. В частности, в декрете Совнаркома от 29 января 1918 года о роспуске старого флота. Он гласил: «Российский флот, как и армия, приведены преступлениями царского и буржуазного режимов и тяжелой войной в состояние великой разрухи». А 20 марта Морским генштабом была издана директива, в которой констатировалось полное боевое бессилие Балтийского флота.

О реальном положении дел на флоте свидетельствуют подшитые к материалам дела (в качестве приложений) доклады и рапорта военно-морских начальников. Так, начальник Минной дивизии капитан 1 ранга А. П. Екимов сообщал командующему: «Милостивый Государь Алексей Михайлович, Исполняя Ваше желание, позволю себе высказать Вам свое мнение о причинах, побуждающих бывших офицеров флота к массовому уходу в отставку. С первых дней революции создалось совершенно определенное гонение на офицеров и только невозможность покинуть свои посты пока шла война, удерживала воспитанное в сознании своего долга перед родиной офицерство на своих постах... В настоящее время на службе остались те из офицеров, которые, сознавая, что присутствуют при агонии флота, настолько, тем не менее, с ним сжились, что решили дожидаться до полной его ликвидации, которая, по-видимому, уже недалеко, т.о. исполнить свой долг до конца. Трагическое положение этого немногочисленного офицерства, несущего теперь на себе всю тяготу службы, должно быть по заслугам оценено государством и обществом...»¹⁵...

Суд над Щастным начался 20 июня, ровно в полдень. Действующие лица этого судебного спектакля, длившегося в течение двух дней, хорошо известны.

В судебное заседание трибуналом вызывались шесть свидетелей. Явился лишь один – Троцкий. И приговор основан исключительно на его показаниях. По объему они занимают

¹² Материалы дела А. М. Щастного. Л.д. 175.

¹³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М. 1923. Т.1. С. 30.

¹⁴ Материалы дела А. М. Щастного. Л.д. 172.

¹⁵ Там же. Л. д. 245—247.

три четверти стенограммы процесса, а по содержанию соответствуют обвинительному заключению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.